

Предпринимательство как фактор модернизации (концепции А. Гершенкрона и Э. Хагена)

Кардинальная трансформация, связанная со становлением современного (модерного) общества, получила в науке наименование модернизации. Она трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, в ходе которого люди совершали переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Данный процесс в свою очередь представляется как совокупность subprocesses: структурной и функциональной дифференциации (перехода от комплексных диффузных малоэффективных социальных структур и функций к узкоспециализированным и эффективным), индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций¹.

Большое внимание в рамках модернизационной парадигмы уделяется проблемам индустриализации, которая трактуется как важнейший subprocess собственно модернизации как одна из ее движущих сил². При этом ряд технологических, экономических и организационных сдвигов в контексте индустриализации связывается с деятельностью предпринимателей — одним из существенных факторов модернизации. Рассмотрим две концепции предпринимательства в контексте исследования перехода от традиционного общества к современному.

Признавая появление современного предпринимательства неотъемлемой составляющей процесса индустриализации, известный британский историк, автор концепции «стадий экономической отсталости» А. Гершенкрон³ в одной из публикаций ставит две проблемы: 1) каковы отличительные «модерные» черты индустриальных предпринимателей, особенно на ранних стадиях модернизации; 2) как формировались указанные особенности⁴.

А. Гершенкрон определяет предпринимателей как категорию лиц, в задачу которых входит принятие ответственных экономических решений: что и каким образом следует производить; где, когда и по какой цене для этого необходимо приобретать и продавать ресурсы и товары; на каком уровне — стабильном или

растущем/понижающемся — нужно поддерживать производство. В подобном смысле, подчеркивает А. Гершенкрон, предпринимательство существовало во все периоды экономической истории (предпринимательские функции выполняли и крестьяне отсталой аграрной страны, принимая решения по поводу времени начала пахоты, сева, сбора урожая, и венецианские купцы XVI в., выбирая для приобретения те или иные виды специй на Востоке и одни или другие рынки в Европе, где предполагался сбыт пряностей).

Тем не менее, несмотря на некоторое подобие всех видов предпринимательской деятельности в разные исторические эпохи, А. Гершенкрон склонен проводить различие между предпринимательством эпохи модернизации и более ранних времен⁵.

Во-первых, современному предпринимателю приписывается такое качество, как перспективное мышление (он должен глядеть далеко в будущее), обусловленное тем, что нормальное функционирование современной промышленности невозможно без использования постоянного капитала в объемах, несопоставимых с характерными для домодерного предпринимательства (т. е., требуется сооружение заводских корпусов, установка машин, стоимость которых окупится лишь в течение длительного периода), что существенно повышает степень риска и ответственности в момент принятия решения о размещении инвестиций.

Во-вторых, с увеличением временного горизонта связывается превращение предпринимательства из временного (предприниматель предындустриальной эпохи, накопив значительное благосостояние, предпочитал прекратить коммерческие занятия, приобрести земельное владение и влиться в ряды дворянства) в пожизненное занятие.

В-третьих, с современным предпринимателем связывается особый характер взаимоотношений с контрагентами, претерпевший трансформацию по сравнению с домодерным периодом вследствие изменения природы трансакций. Мимолетные, разовые трансакции между торговцем и заказчиками домодерной эпохи, как считает А. Гершенкрон, благоприятствовали нечестности и обману в моменты совершения сделок: сильным было желание продавца обмануть покупателя относительно количества и качества приобретаемых последним товаров, что нашло отражение в народном сознании (представления о нечестности, непорядочности прочно связывались с торговлей и торговцами; например, происхождение термина «обмен» в английском, как и

некоторых романских языках, восходит к слову, означающему обман; в русском языке данную связь выражает популярная поговорка: «не обманешь, не продашь»).

О современном предпринимателе, который тоже не являлся образцом безупречной честности, А. Гершенкрон говорил, что «постоянство его деятельности, тесные отношения с клиентами, связанные с поставкой оборудования и запасных частей, самый факт, что многое из продуктов современного промышленного производства должно продаваться не аморфной массе анонимных покупателей, но другим предпринимателям, — все эти факторы требовали гораздо более добросовестного отношения к покупателю»⁶. Высоких стандартов коммерческой честности от современного предпринимателя требовала и хорошо разработанная система кредита, которая лежала в основе современной промышленности.

В-четвертых, по мнению А. Гершенкрона, современное предпринимательство отличается от домодерного инновационностью, в целом обусловленной неотделимостью современной промышленности от технологического и организационного прогресса. При этом истинными инноваторами были, конечно, немногие индустриальные предприниматели, в действительности первыми применявшие революционную беспрецедентную технологию; большинство же современных предпринимателей принадлежало к числу имитаторов, определяемых Й. Шумпетером как «вторичная волна», функция которой заключалась в широком распространении новаций в промышленности. Различие между инноватором и имитатором очень нечеткое. Каждая имитация требует энергичных усилий, чтобы преодолеть инерцию, отказаться от привычного способа создания продукта, поднимает множество технических и экономических проблем, которые должны быть решены. Никакие сопоставимые проблемы, давление, направленное на их разрешение, не существовали до появления современной промышленности.

Рассуждая о возникновении указанных особенностей современного предпринимательства, А. Гершенкрон подвергает критике понятие предпосылок индустриализации, занимавшее существенное место во множестве концепций перехода от традиционного общества к современному (так, согласно точке зрения У. Рос-тоу, временам быстрого индустриального роста должны предшествовать более или менее длительные, от страны к стране, периоды, в течение которых создавались «предпосылки» совре-

менной индустриализации; некоторые экономические историки доказывали, что необходимыми предпосылками для последующей индустриализации являются аграрные реформы, включая изменения в системе землевладения, отмену крепостничества, увеличение производительности сельского хозяйства; историки-марксисты настаивали на том, что предпосылкой для обеспечения индустриального рывка должно стать предварительное накопление капитала в течение весьма длительного исторического периода; обратной стороной концепции исторических предпосылок было утверждение о невозможности индустриализации в случае их отсутствия).

В действительности, как утверждает А. Гершенкрон, индустриальный рост нередко осуществляется как раз в условиях отсутствия данных предпосылок, т. е. при незавершенных аграрных преобразованиях, недостатке преиндустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков). «Рассуждая исторически, — пишет экономический историк, — концепция необходимых предпосылок терпит крах, потому что экономическая жизнь содержит многие альтернативные решения, так что в тех странах, где так называемых необходимых предпосылок не было, для них были разработаны разного рода заменители в ходе самого индустриального развития»⁷.

В связи с проблемой предпосылок индустриализации А. Гершенкрон продолжает обсуждение вопроса о модерном предпринимательстве, в частности тезиса о становлении современного предпринимательства как о предпосылке модерного индустриального развития. Гершенкрон признает, что исторический опыт ряда европейских стран вроде бы подтверждает данное положение, т. е. в отдельных случаях можно проследить корни (предпосылки) модерного предпринимательства в относительно далеком историческом прошлом (например их можно обнаружить в опыте ремесленников в период позднего средневековья — ведь во многих случаях институциональный порядок ремесленных цехов содействовал распространению среди их членов духа мастерства, гордости за качество изделий, честности во взаимодействиях с партнерами — т. е. всего того, что позднее стало характерными чертами индустриального предпринимательства). Не отрицает британский историк и роли протестантизма в обеспечении установок честности и бережливости, пожизненной преданности делу, склонности к инновациям, столь важных для

модерного предпринимательства, хотя и оставляет при этом открытым вопрос о причинности — были ли обусловлены такие установки доктринами протестантизма или приверженностью преследуемому меньшинству.

При этом исследователь склонен трактовать деятельность предпринимателей скорее как неотъемлемую черту самого процесса индустриализации (и модернизации), нежели его предпосылку. «Предприниматели используют капитал и нанимают рабочую силу с целью производства промышленных товаров, — подчеркивает А. Гершенкрон, — но это и есть сама индустриализация; это как раз и есть сами условия любого разумного определения индустриализации»⁸.

Он отвергает тезис ряда концепций экономической модернизации о том, что предпосылкой индустриализации являлось утверждение в обществе в качестве доминирующей системы ценностей, благоприятствующей предпринимательской деятельности, оправдывающей, одобряющей и стимулирующей ее. Историческая действительность нередко противоречила данному положению, поскольку зачастую предпринимателям приходилось действовать достаточно эффективно в условиях господства ценностной системы, скорее враждебной по отношению к таким действиям.

Кроме того, концепции, акцентирующие внимание на «социальном одобрении», по мнению А. Гершенкрона, игнорируют тот факт, что во многих стратифицированных и сложных обществах одобрение отдельными группами может соотноситься неодобрением другими.

Гершенкрон полагает, что ключом для объяснения проблем индустриализации и предпринимательства может стать концепция «заместителей», суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заместителям».

По мнению исследователя, имелась определенная зависимость между количеством и качеством «заместителей» и уровнем экономического развития страны: «чем более отсталой была страна накануне ее большого индустриального скачка, чем меньше было в ней элементов, которые могли бы трактоваться как предпосылки индустриализации, тем более широко и интенсивно использовались “заместители” таких предпосылок»; «в более развитых странах предындустриальный период был более разнообразным и красочным, в то время как их индустриальная

эпоха представляется относительно стандартной. По контрасту, прединдустриальный ландшафт относительно отсталых стран был довольно беден, в то время как история их индустриализации — намного более сложной и вариативной, поскольку она осуществлялась посредством использования заместителей различного типа»⁹.

А. Гершенкрон делает попытку применить свою концепцию для объяснения индустриального развития Германии и России в XIX в. Обе страны страдали от недостатка так называемых предпосылок индустриализации. К концу XIX в. в России невелико было количество способных предпринимателей, ограниченным был их временной горизонт, низкими — стандарты их коммерческой честности; отношение народных масс и интеллигенции к действиям предпринимателей отличалось подозрительностью. Подобные отрицательные особенности были характерны и для Германии середины XIX в. (пускай в меньшей степени; честность в коммерческих сделках была довольно высока, вероятно, как следствие опыта ремесленных цехов прошлых столетий). Обе страны демонстрировали то, что можно назвать отсутствием или ограниченным присутствием предпосылок для современного предпринимательства. Согласно классическим теориям, в данных странах не могла осуществиться индустриализация. Тем не менее во второй половине XIX в. Германия совершила впечатляющий индустриальный рывок, который поставил ее вровень с Англией, бывшей тогда «мастерской мира». Россия перед Первой мировой войной отставала от Германии по абсолютным показателям, но ее индустриальное развитие в 1880—1890-х гг. стало своеобразным историческим рекордом; нормы индустриального роста, достигнутые в те годы, далеко превосходили когда-либо до того демонстрировавшиеся Германией. Как же такое могло случиться на фоне только что упомянутых препятствий — задается вопросом А. Гершенкрон. Его ответ один — обе страны сумели успешно развить «заместители» отсутствовавших в исторической реальности предпосылок.

«Дефицит предпринимателей, — пишет А. Гершенкрон, — можно исправить или заместить путем увеличения масштабов производства, расширения масштабов предприятия сверх его оптимального размера. В Германии некомпетентность индивидуальных предпринимателей была возмещена дифференциацией предпринимательской функции: немецкие инвестиционные банки — мощное изобретение, сопоставимое по своему экономиче-

скому эффекту с паровым двигателем, — в своей инвестиционной деятельности оказались заместителями первоначального накопления, охотно предоставив капиталы в распоряжение предпринимателей. Банки, кроме того, выполняли функцию заместителей в силу недостаточности предпринимателей. Используя выгоды своего центрального положения, банки принимали активное участие в формировании главных — и иногда даже не самых главных — решений индивидуальных предприятий. Именно они очень часто намечали пути роста предприятий, разрабатывали перспективные планы развития, использовали технологические и организационные новшества, принимали меры по слиянию компаний и их расширению. До некоторой степени, хотя менее эффективно, подобные воздействия испытывали российские предприниматели со стороны имперской бюрократии — прежде всего со стороны министерства финансов, которое также выполняло функцию замещения, подобно тому, как это делали немецкие банки, и в целом преследовало похожую политику индустриального роста. В России, конечно, количественный и качественный недостаток предпринимателей был также облегчен импортом из-за границы иностранного предпринимательского таланта, хотя степень его не должна преувеличиваться»¹⁰.

Существенная роль в исторических ситуациях отсутствия или недостатка предпосылок индустриализации, по мнению А. Гершенкрона, принадлежала государству, которое, в частности, в условиях недостатка «социального одобрения» деятельности предпринимателей, доминирования в обществе неблагоприятных для них ценностей использовало свой аппарат — власть судебной машины, полиции и армии — для того, чтобы защитить предпринимателей и их интересы от социальных сил, враждебных по отношению к ним, не говоря уже о многих условиях, установленных законом, который преследовал ту же цель.

Подводя итоги, А. Гершенкрон подчеркивает, что элементарные обобщения неприемлемы при обсуждении процессов современной индустриализации, которые отличались крайним разнообразием. Вариация данных процессов в зависимости от степени отсталости той или иной страны сказывалась и на характере современного предпринимательства. Индустриальное развитие было возможно даже в тех странах, где исторические предпосылки современного предпринимательства были представлены слабо или вообще отсутствовали, так как человеческая изобретательность сумела открыть множество способов их замещения. Гершенкрон

отмечает, что для становления современного предпринимательства более важным, чем исторические предпосылки, был собственно процесс индустриализации, поскольку в его контексте статус предпринимателей быстро повышался, а они сами обретали столь необходимый опыт предпринимательской деятельности.

Оригинальная концепция предпринимательства была предложена Э. Хагеном¹¹, который подверг критике теории, выдвинутые экономистами, за неспособность объяснить ряд значимых случаев, таких, например, как динамичное развитие Японии в XIX в. или Колумбии в начале XX в. Обе страны развивались без какой-либо посторонней помощи и до начала впечатляющего экономического роста относились к числу бедных стран. Обе ситуации, по мнению Э. Хагена, невозможно объяснить при помощи переменных экономического характера, на которых обыкновенно акцентировали внимание исследователи-экономисты. Здесь экономическое развитие было обусловлено формированием прослойки предпринимателей, которая не возникает спонтанно в момент появления спроса, как полагали авторы экономических теорий.

Э. Хаген обратил внимание на непропорционально большую долю среди предпринимателей Японии выходцев из класса самураев. В Колумбии среди предпринимателей непропорционально высоким был удельный вес выходцев из провинции Антиокья, существенно превосходивших по численности выходцев из столичной провинции Кундинамарка, более значимой в политическом и культурном отношении.

При этом Э. Хаген обратил внимание на одну существенную общую черту, свойственную и самураям, и жителям провинции Антиокья: тех и других можно было считать деклассированными элементами. Самураи, несшие прежде службу у сеньоров, были лишены своего статуса и возможности выполнять прежние функции и обречены на социальный статус деклассированных элементов, когда императоры династии Токугава принялись укреплять центральную власть в ущерб власти феодалов.

Жители провинции Антиокья, как и Боготы, были потомками испанских колонистов, прибывших в XVII в. на поиски золота и серебра в Новую Гренаду. Драгоценные металлы в тот период были обнаружены в провинции Антиокья — в районе Боготы их не нашли. Соответственно жители Антиокьи стали старателями, а поселенцы, обосновавшиеся в Боготе, принялись за обработку земли. Однако с середины XVII в. шахты, в которых

добывались золото и серебро, начали постепенно утрачивать прежнюю рентабельность, вследствие чего жители Антиокьи были обречены на процесс пролетаризации. В глазах жителей соседней Боготы провинция Антиокья превращалась в жалкие задворки страны.

Именно из самураев в Японии в эпоху Мэйдзи стали формироваться деловые люди; аналогичным образом, когда в начале XX в. Колумбия вступила на путь индустриализации, жители Антиокьи стали превращаться в предпринимателей. Опираясь на анализ индустриального развития Японии, Колумбии и других стран, Э. Хаген пришел к выводу, что коллективное деклассирование выступает в качестве одной из причин становления динамичной прослойки предпринимателей, поскольку подобные люди были якобы одержимы идеей возвращения утраченного статуса.

В рассмотренных концепциях существенное внимание уделено роли предпринимательства в контексте процессов модернизации. Они по существу противостоят прямолинейным подходам, сторонники которых склонны трактовать модернизацию как прямолинейный детерминистический процесс, включавший стандартный набор стадий. Привлекает конкретно-проблемная ориентация авторов, историзм их подходов. При этом если А. Гершенкрон делает акцент на роли исторических акторов, возможности трансформации ситуаций, исходы которых не predetermined, то Э. Хаген обращается к прошлому тех или иных социальных групп в целях объяснения их активного включения в процессы индустриального развития.

¹ Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000; *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

² Индустриализация: исторический опыт и современность. М., 1998; *Кузнецова Н.П.* Экономический рост в историческом контексте. СПб., 1996; Проблемы индустриализации развивающихся стран / Под ред. Е.А. Брагиной, В.М. Коллонтая, В.В. Рымалова, В.Л. Тягуненко. М., 1971; *Бабинцева Н.С.* Индустриализация в развивающихся странах. Л., 1982; *Kerr C.* The Future of Industrial Societies. Cambridge, Mass., 1983; *Lenski G., Lenski J.* Human Societies: An Introduction to Macrosociology. N.Y., 1987. P. 233—245; *Vago S.* Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey, 1989. P. 134—136; см. также *Бабинцева Н.С.* Мировая экономика. СПб., 2003; *Она же.* Некоторые новые подходы в экономической теории: Очерки. СПб., 2003.

³ Данная концепция нашла отражение в работе: *Gershenkron A.* Economic backwardness in historical perspective. Cambridge, Mass., 1962. см. также: *Гершен-*

крон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 420—447. Ее критический обзор содержится в работах: Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Олегина И.Н. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л., 1989.

⁴ *Gerschenkron A. The Modernization of Entrepreneurship // Modernization: The Dynamics of Growth. N. Y.; L., 1966. P. 246—257.*

⁵ *Ibid. P. 247—249.*

⁶ *Ibid. P. 249.*

⁷ *Ibid. P. 251.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid. P. 255.*

¹⁰ *Ibid. P. 255—256.*

¹¹ *Hagen E.E. How Economic Growth begins: A Theory of Social Change // Political Development and Social Change / Ed. by J.L. Finkle, R.W. Gable). New York; London; Sydney, 1966. P. 129—139; Idem. Structures sociales et croissances économiques. P., 1970. Вторую работу указанного автора проанализировал Р. Будон (Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 100—111).*